

25.3.95.

Лакшин Владимир Яковлевич

22

ЛИПЕЦКИЕ ВСТРЕЧИ

Культур. - 1995. - 25 марта. - С. 5.

# «...Но с благодарностью: были»

Как всегда, эти встречи были безукоризненно организованы. Как всегда, они привлекали широтой и четкостью темы (на этот раз — «Чехов и Чайковский»), объединением почтенных и молодых имен, театров и музыкантов, музыковедов, театроведов, литературоведов. Непременным участником этих ежегодных встреч, душою конференций, обсуждений с острыми по содержанию, мягкими по форме дискуссиями, а также вечеров с пародиями-капустниками, с гитарным перебором — душою этого всегда был Владимир Яковлевич Лакшин. Его памяти и посвящены нынешние десятки встречи (десяты! В наше-то время!).

Посвящены памяти человека, сочетавшего литературоведческие исследования с сегодняшней критикой. Искавшего правду и умевшего ее бесстрашно отстаивать. Он был автором книг об Островском, Чехове, Толстом. Был редактором, определявшим то, что издавна называется направлением журналов, — от «Нового мира» времен Твардовского до «Иностранной литературы» по-

следних времен. Был замечательным редактором, рецензентом чужих книг, мемуаристом, просветителем в истинном значении этого слова. Все помнят телепрогулки с Лакшиным по Москве Островского, по окрестностям Ясной Поляны, по чеховскому Сахалину. Человек русской литературы — он был и человеком русского театра. С детства, проведенного под сенью прежнего Художественного театра, в котором можно было утром увидеть «Горячее сердце», а вечером «Турбиных», получив контрамарку у Федора Николаевича Михальского, восседавшего в своей стеклянной конторке. Персонажи «Театрального романа» для Лакшина — персонажи собственной жизни, детства и отрочества. Отсюда и острое, личное восприятие Булгакова, и взыскательность по отношению к модным экспериментам, и увлеченность, с какой смотрелись провинциальные спек-

такли, и поиски новых соотношений театра с прозой. Поэтому десятки липецкие встречи открылись премьерой спектакля «Диалоги 1914 года». Пьесой Владимира Яковлевича Лакшина в постановке Владимира Пахомова. Художественного руководителя Липецкого академического театра драмы, его лидера, неизменного хозяина десяти встреч.

Под названием «Вспоминая Чехова» пьеса опубликована в сборнике киносценариев нынешнего года издания. Потому что это и есть сценарий фильма, уже снятого, но еще не смонтированного Н. Михалковым. Естественно, что сценарий сопровождается кадрами будущего фильма: «морозный день уже клонится к вечеру» (начало сценария). У памятника Чехову стоят собравшиеся на Новодевичьем в день рождения писателя, в десятую годовщину его смерти. 1914 год — последний мирный год России,

канун первой мировой и всего, что за ней последовало. Потом сани извозчика-лихача останутся на Никольской, у «Славянского базара», где продолжатся поминки-вспоминания.

Будем ждать фильма с Ириной Купченко, с Авангардом Леонтьевым, с михалковской вечернею Москвой. Можно было бы и пространство сцены расширить панорамами, пронизать падающим снегом. Пахомов вместе с замечательными театральными художниками О. Твардовской и Вл. Якушенко ввели все в свое замкнутое и беспредельное пространство сцены. Сама сцена стала одновременно залом «Славянского базара» и зрительным залом. Вместо потолка — темнота, в которой покачивается гирлянда то ли маленьких лампочек, то ли мерцающих елочных игрушек. В центре — ресторанный столик, за ним сидят поминающие-вспо-

минающие. Вокруг, как положено в ресторане, другие столы с такими же приборами, с шампанским. За столиками — мы, зрители, соучастники воспоминаний — за центральным столом. Там — незанятое место Антона Павловича, бокал для него. Возле — артист Художественного театра Александр Леонидович Вишневский (М. Ильин), писатель Александр Семенович Лазарев-Грузинский (М. Янко), Лидия Стахиевна Мизинова (О. Овчинникова). Вбежит еще всюду опаздывающий журналист Николай Иванович Ежов (В. Пономарев). И будет их расторопно обслуживать половой Чикильдеев (В. Веселов), младший брат того Чикильдеева, который при Чехове подавал ветчину с горошком, а вскоре помер от чахотки в нищей деревне.

Все они знали своего Чехова. Для Вишневского Антон — одноклассник по таганрогской гимназии, потом — автор «Дяди

Вани», которого играет Вишневский.

Для Лики Мизиновой прошлое прекрасно и печально. Вспоминается молодость братьев Чеховых, самой Лики, превращение ее женской судьбы в «Чайку», сознание: «Я сыграла роль сыра, который он не захотел съесть...». В воспоминаниях проявляется тот, кто вспоминает. Благодарно любящий Лазарев. Ежов — завистник, для которого «Чайка» претенциозна, поездка на Сахалин бестолкова, а возрастные имени Чехова во времени вообще нестерпимо, потому что он-то, Ежов, в будущем не останется.

На столах зрителей — посетителей «Славянского базара» — стынут блины, отставлено шампанское. Зрители слушают тех, кто сидит за центральным столом. Тех, кто вспоминает начало века и живет зимой 1914-го, неизбежно продолжая ее в конец века, в такие сла-

вянские и иные базары, какие и присниться не могли.

В тишину врывается громогласный мужик, разыскивающий подрядчика, торговавшего у него олифу. Олифа в снях, подрядчик куда-то запропастился, интеллигенты недоумевают: «Зачем нам твоя олифа?». В тишину врывается разудалый цыганский хор с величием, не хуже цыган пляшущий офицер с ресторанным барышней — они перебивают действие и входят в действие, в воспоминания самого Чехова и людей чеховского времени. Мы, зрители, слушаем эти воспоминания. Хрестоматийные, по школе памятные и никому не известные, вернее — забытые. О том, как таганрогские гимназисты на переменах покупали сбитень за две копейки. О романе Чехова с французенкой Бланш из «Эрмитажа». О чеховской шутке: издается у Маркса, но — не марксист. Голос Лики, голоса Лазарева и

Вишневского. Голос Чехова: «Прежде для меня не было большего наслаждения, как сидеть в театре...».

Гаснет свет за столиками «Славянского базара». Мерцает гирлянда в высоком пространстве липецкой сцены. Недавно был объявлен сбор на реставрацию памятника Чехову на Новодевичьем — ведь рядом река, почва проседает. Первым прислал деньги Липецкий театр. Рядом с чеховским памятником — ряд «художественников». Книппер-Чехова. Станиславский. Вишневский. Даты жизни: 1861—1943. Поблизости — Лакшин Владимир Яковлевич. Даты жизни: 1933—1993.

Всех вспоминая, всех помяная в году 1995-м, повторим же давние слова поэта:

О милых спутниках,  
которые наш свет  
Своим присутствием для нас  
животворили,  
Не говори с тоской:  
их нет,  
Но с благодарностью:  
были.

Е. ПОЛЯКОВА.